

Классика
в школе и дома

Анатолий Наумович
Рыбаков

Выстрел

Москва

2022

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р93

Во внутреннем и внешнем оформлении
использованы иллюстрации художника
Александра Храмцова

Оформление серии «Внеклассное чтение
(Хорошие книги в школе и дома)»

Натальи Ярусовой

Оформление серии
«Классика в школе. Новое оформление»

О. Горбовской

Рыбаков, Анатолий Наумович.

Р93 Выстрел / Анатолий Рыбаков. — Москва : Эксмо, 2022. — 224 с.: ил.

ISBN 978-5-04-120200-2(ВнекЧТХорК)

ISBN 978-5-699-85293-2(КлВШкНО)

В книгу включены произведения школьной программы,
изучаемые в начальной, средней школе и старших классах.

Повесть «Выстрел» рекомендовано читать в 6–7 классах.

УДК 821.161.1-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120200-2

(ВнекЧТХорК)

ISBN 978-5-699-85293-2

(КлВШкНО)

© Рыбаков А.Н., наследники, 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ГЛАВА 1

Возле пивной «Гротеск» прохаживался Альфонс Доде, он же Витька Буров. Бутылки принимали во дворе, и Витьке была видна вся очередь.

Замученный старичок, гномик в очках, опускал бутылки в ящики: темные — пивные, светлые — водочные, желтые — из-под лимонада и сидра. В очереди, которую Шныра загораживал спиной, Фургон, Паштет и Белка перекладывали бутылки из ящиков в свои сумки, собираясь продать их еще раз.

— Тридцать пять копеек, — объявил гномик Шныре, — так тебя учили в школе?

Шныра вынул кепку из кармана, нахлобучил на голову, на глаза, стал за Паштетом и наполнил свою кошелку бутылками из ящиков.

— Получай деньги, отнеси маме, ты хороший мальчик, — заключил гномик торг с Фургоном.

Ребятам все это казалось игрой, рискованной, но увлекательной и дающей заработок. Деньги им были нужны для поездки в Крым.

Сидя на разбитом асфальте, они сдавали выручку Витьке Бурову.

— Восемьдесят две копейки, — сказал Шныра.

— Молодец, хороший мальчик! — к удовольствию всей компании передразнил Витька гномика. — Слушай маму!

— Пятьдесят восемь копеек, — сказал Фургон.

— Плохой мальчик, ленивый, выйди из класса!

— Девяносто три, — сказала Белка.

— Изюм — белый хлеб! — воскликнул Витька.

Выше похвалы он не знал.

Они пошли по Смоленскому рынку, могучая компания, объединенная таинственной целью, имеющая бесстрашного жожака, который бесцеремонно всех расталкивал: «Куда прешь, не видишь — дети!» — фраза, тоже приводившая их в восторг.

Служащие в косоворотках, мануфактуристы в пиджачных парах, в галстуках и без галстуков, с бабочками и без бабочек, зеленчики в брезентовых и рыбники в кожаных фартуках, цыгане с ассирийскими бородами, крестьяне в смазных сапогах и крестьяне в лаптях, украинки в суконных свитках, китайцы с воздушными шарами и всякими бумажными чудесами, железнодорожники в форменных куртках, барышники, спекулянты, молочницы, холодные сапожники, точильщики, босяки — все это двигалось, шумело, спорило, торговалось, пело, играло, плакало, проклинали, собиралось в толпы, растекалось по Новинскому и Смоленскому бульварам и по примыкающим к рынку переулкам.

Толстый, неповоротливый Фургон задержался около продавщицы с лотком на груди. «Моссельпром» было вышито на ее форменной фуражке золотым шнуром.

— Ириски, — доложил Фургон ушедшим вперед ребятам.

— Вывеска на голове, магазин на брюхе! — ответил Альфонс Доде.

Фургон понял, что ирисок не будет.

Суровое сердце Витьки дрогнуло только при виде рослой украинки в монистах, продававшей пряники в ларьке под вывеской: «Наталка с Киева».

Она заметила Витькин замороженный взгляд.

— Все вы дивуетесь на меня, а не покупаете.

Витька кинул на прилавок деньги — широкая влюбчивая натура, — роздал всем по прянику, себе не взял, сдачу положил в нагрудный карман.

— Крымские.

— С Крыма приехали? — осведомилась «Наталка с Киева».

— Вроде бы, — неопределенно ответил Витька.

По базару медленной уркаганской походкой шел Шаринец, хлюпик в кашне, настороженно косил рыжим глазом.

Витька напрягся, готовый к столкновению.

— Белка!

Белка не ответила на оклик Шаринца, вопросительно смотрела на Витьку, покупающего пряники.

Шаринец прошел, усмехаясь, как человек на рынке слишком значительный, чтобы связываться с такой мелкотой.

Но мелкота знала, что Шаринец боится Витьку, и это усиливало в них сознание своего могущества.

ГЛАВА 2

На своем дворе они тоже были хозяева. Старшие ребята их не трогали, боясь Витьку, сверстники хотели попасть в их компанию, но компании никто больше не нужен: они не могут всех взять в Крым.

Они сидели в тени восьмизэтажного корпуса. Шныра и Фургон мелом рисовали на асфальте пальмы с высокой кроной, волнистое море, чаек, солнце с длинными лучами — все это должно было изображать Крым. Витька лениво поигрывал финским ножом и курил папиросы «Наша марка» — единственная трата из крымских денег, которую он себе позволял. Папиросу получил и Паштет. Шныре и Фургону дали затынуться. Шныра выказал наслаждение, которого не испытывал, Фургон закашлялся, Белке ничего не было дано — девочки не должны курить.

Идиллия была прервана появлением дворничихи с метлой.

— Весь двор разрисовали, безобразники!

Витька подкинул нож, ловко поймал за рукоятку.

— Ох, Витька, доиграешься, не миновать тебе тюрьмы. Тебя не жалко, мамашу твою жалко.

Витька симпатично улыбнулся, отчего финка в его руках стала выглядеть несколько зловеще.

На четвертом этаже открылось окно. Валентин Валентинович Навроцкий провел ладонью по подоконнику — чисто ли? Он был в светлом шевиотовом костюме. К окну подошел Юра — его больше не дразнили скаутом, но выглядел он высокомернее, чем прежде: долговязый, в бархатной толстовке, с белым бантом.

— Витька Буров, он же Альфонс Доде, гроза Арбата, — объяснял Юра, — и его банда: Шныра, Паштет, Белка и Фургон. Паштет и Белка — бывшие беспризорные, а сейчас безнадзорные. В чем разница — не знаю.

— Какой действительно толстый мальчик Фургон, — согласился Валентин Валентинович, — перекормлен.

— Его настоящее имя Андрей, фамилия Зимин, отец — инженер на фабрике.

— Сын инженера в такой компании?! А почему Альфонс Доде?

— Может быть, он чем-то напоминает Тартарена из Тараскона? Навряд ли... Почему, например, Паштет? Он паштета в глаза не видел. Все потенциальные уголовники начинают с кличек...

Во дворе появился Шаринец, уселся на скамейке у подъезда, ухмыляясь на Витькину компанию.

— А это настоящий уголовник, профессиональный карманник.

— Карманник не самая видная, но вполне достойная воровская специальность...

— Конкурент Витьки за влияние во дворе.

Точно в подтверждение Юриного замечания Витька, демонстрируя свою власть, приказал:

— Фургон, скажи стих!

— Какой?

— Про хорошего человека.

Фургон ударил себя в грудь:

Рожа брита,
Грудь открыта,
Брюки клеш,
Даешь — берешь!

— Хороший стих, — похвалил Витька. — А еще знаешь?

— Про что?

— Про хорошего человека.

— Про хорошего человека больше не знаю, — признался Фургон.

— Фургон! — окликнул его Шаринец.

— Чего?

— Подойди! — позвал Шаринец с дружелюбием уголовника.

Фургон сделал неуверенное движение в сторону Шаринца, но его остановил грозный Витькин оклик:

— Стой!

Фургон остановился.

— Зачем пошел?

— Так ведь он позвал.

Двумя пальцами Витька зажал Фургону нос.

— Брось, Витька! — неодобрительно заметил Шныра.

Фургон мотал головой, пытаясь вырваться.

— В другой раз оторву и голову, — пообещал Витька и сильно дернул рукой вниз.

Фургон освободился от железной Витькиной хватки, но ощущение было такое, будто у него оторвали нос, и Фургон не сумел сдержать слез.

Витькина власть была доказана действием и огорожена от посягательств Шаринца. Но когда Витька наказывал Фургона, во дворе появился Миша Поляков, по-прежнему в кожаной куртке, из которой он порядочно вырос; под ней на рубашке виднелся комсомольский значок КИМ.

— За что ты его?

Витька лениво поднялся, поиграл финкой.

— Твое дело?

Юра дал справку:

— Миша Поляков, комсомольский активист... Как это там у них называется... Секретарь ячейки или председатель учкома — я в этом плохо разбираюсь.

— Сильный, видно, парень, — заметил Валентин Валентинович.

— Витька сильнее.

— Сильнее тот, кто смелее.

— Миша смелый только на собраниях.

...Витька играл финкой.

— Ну что? Милицию позовешь? Беги зови, а то не успеешь. Арцы — и в воду концы!

«Арцы — и в воду концы» означало у Витьки высшую степень угрозы.

— Убери нож!

— Наверно...

Неожиданным ударом Миша вышиб финку из Витькиной руки и наступил на нее ногой. Витька бросился на Мишу, они сцепились, не давая один другому дотянуться до ножа.

Нож поднял Саша Панкратов, во дворе его называли Сашка Фасон, не потому, что фасонил, а потому, что был красив: черноволосый мальчик в красном пионерском галстуке. Было ясно, что финку он Бурову не отдаст.

Подошли мужчины, растащили дерущихся. Витька пытался вырваться, но его держали крепко. Из окон выглядывали жильцы, во дворе собиралась толпа. Выбежала мать Фургона — Ольга Дмитриевна Зимина, миловидная женщина с нежным лицом.

— Андрюша! Что он с тобой сделал? Нож! Когда это прекратится, наконец?

Появление милиционера привлекло еще больше зрителей.

Милиционер забрал у Саши финку.

— Чей нож?

Все молчали, подчиняясь законам двора: податься — одно, выдать — другое.

— Твой? — спросил милиционер у Витьки.

— Пусть ребята скажут, — ответил Витька.

Белка показала на Мишу:

— Его финка, он хотел Витьку порезать.

— Не ври! — крикнул Саша Панкратов. — Витькин нож. Скажи, Фургон, скажи, Шныра, чей нож?

Шныра и Фургон молчали.

— Какие, однако, мерзавцы! — возмутился Валентин Валентинович и поднялся с подоконника.

— Плевать! Пусть сами разбираются, — сказал Юра.

— Ну знаешь... Я тебя не понимаю!

Валентин Валентинович свесился из окна:

— Товарищ! Я все видел, сейчас спущусь.

Через минуту он стоял во дворе, спокойный, внушающий доверие, показал на Витьку:

— Нож его, он им играл, довольно неосторожно, кстати. И мучил мальчика. А этот молодой человек, — он протянул тонкий палец в сторону Миши, — вступился... — Он повернулся к Зиминной: — Если не ошибаюсь, за вашего сына.

— Да, — сказала Ольга Дмитриевна. — Витя! Ведь ты уже большой... Разве Андрей тебе товарищ?

— Что скажешь? — спросил милиционер у Витьки.

Витька молчал, злобно посматривая на Мишу.

— Нехорошо, девочка, лгать, некрасиво, — сказал Валентин Валентинович Белке.

Милиционер опустил нож в сумку.

— Разберемся, пошли!

И вместе с Витькой направился к воротам.

— Благодарю вас, — сказала Ольга Дмитриевна Валентину Валентиновичу.

— Мадам... Гражданка... Я просто сказал правду.

ГЛАВА 3

Валентин Валентинович вернулся к себе.

— Дорогой мой, — сказал он Юре, — ты оказался на высоте. Ты побаиваешься Альфонса Доде? Кстати, кличка ему не подходит.

— Я его не боюсь, — вспыхнул Юра, — но Миша ненавидит меня как буржуя, если бы я вмешался, он бы расценил это как подлизывание. Не беспокойтесь за него: он не нуждался ни в вашей защите, ни в моей.

— Правду надо защищать всюду, всегда и везде. — Валентин Валентинович уселся в кресле и закурил тонкую папиросу. — Что касается Альфонса, то он кончит тюрьмой. Околачивается во дворе с финкой, взрослый парень!

— А куда ему идти? В комсомол? Зевать на собраниях?

— Ты тоже не комсомолец.

— И что меня ждет? В институт не примут: не рабочий, не сын рабочего.

— Принимают и не рабочих. Твой отец — врач, поступай в медицинский.

— Ковыряться в чужом сопливом носу?

— Что же тебя привлекает?

— Кино.

— Есть способности?

— В кино нужна прежде всего внешность.

Валентин Валентинович оценивающим взглядом посмотрел на Юру:

— Внешность у тебя есть.

— Один кинорежиссер, папин пациент, обещал взять меня на съемки.

— Прекрасно! Будешь советским Рудольфо Валентино или Дугласом Фербенксом.

— Он начнет новую картину через год. Что я буду делать после школы? На фабрику?

— Кстати, почему ваша школа так связана с фабрикой?

— Получаем трудовое воспитание, даже пишем дипломные работы, почти как в вузе. Из нас готовят нечто вроде статистиков. Такая скучища!

— Напрасно пренебрегаешь этим, — сказал Валентин Валентинович, — другие после школы идут на биржу труда или в чернорабочие. А ты сразу получаешь специальность.

— Мне нужна специальность, дающая независимость.

— Профессия актера тебе ее даст?

— До известной степени.

— Заблуждаешься. Независимость дается только этими...

Валентин Валентинович пошевелил пальцами, как бы перебирая монеты.

— Но где их взять?

Валентин Валентинович погасил папиросу в пепельнице, прошелся по комнате, чистой, пустовавшей, с фотографиями лошадей на стенах.

— Надо начинать с небольшого. Кто я такой? Уполномоченный общества «Друг детей». Я распространял лотерейные билеты, открытки, значки, поднимался по лестницам, стучался в двери, несознательные гражданки захлопывали их перед моим носом. Все же мне удалось кое-кого убедить. Заметь, какую гуманную роль я выполнял: помогал несчастным, голодным крошкам и пробуждал в людях сострадание. Теперь заготовлю мануфактуру для наших предприятий, прибыль от них идет опять же на помощь детям. Раз

в месяц получаю свои проценты. Рокфеллер имеет больше, но я сыт, одет, обут. — Он вытянул ногу и показал лакированный ботинок «джимми». — Делаю свои деньги и думаю, как бы сделать их больше.

— На лотерейных билетах? На отгрузке мануфактуры?

— Друг мой! Деньги делаются на всем. Нэп! Папиросы «Ира» не все, что осталось от старого мира. Шевели извилиной, как пишут в журнале «Смехач». Жизнь с ходу дает тебе шанс — не упускай его. Приживись на фабрике. Получится с режиссером — уйдешь в Дугласы Фербенксы. Не получится — заработаешь производственный стаж и поступишь в вуз. Кстати, какая у тебя тема?

— Учет на складе, — произнес Юра с отвращением.

— Прекрасная тема! — воскликнул Валентин Валентинович. — На складе ты станешь деловым человеком, изучишь ткани. Актуальнейшая проблема! За десять лет люди пообносились, рынок требует маты...

— Маты? Что это такое?

— Мануфактура на языке контрабандистов, этим термином пользуются и коммерсанты. Какие названия! Амарант, бельфанс, туал-д-эте, канбера, виоламакмино... Из-за одних названий я бы пошел работать на склад, честное слово!

— Вы говорите о фабрике с таким же энтузиазмом, как Миша Поляков на школьных собраниях о мировой революции.

— Ну что ж, из всех, кого я видел сегодня, Миша Поляков понравился мне больше всех.

— Вы его мало знаете, — нахмурился Юра.

ГЛАВА 4

Следующий день был фабричный. С блокнотом и карандашом Миша стоял на фабричном дворе у железнодорожной ветки. Грузчики носили в вагоны тюки с мануфактурой.

Подошел Валентин Валентинович.

— Что вы делаете, Миша? — После вчерашнего происшествия он держался с ним, как с добрым приятелем.

Миша показал на блокнот.

— Записываю, куда отправляется товар.

— Это имеет отношение к вашей дипломной работе?

— Да. «Транспортировка готовой продукции».

— Великолепно! Можете записать мою отправку. — Он показал на пустой вагон в тупике. — Станция назначения — Батум, получатель — швейная фабрика общества «Друг детей».

— Запишу, когда погрузят, очередь дойдет не скоро.

— Ужасно долго все это продолжается, — подхватил Валентин Валентинович, — и я вам скажу почему: задерживают ломовые извозчики. Анахронизм. За границей господствует автомобиль.

У ворот склада стояли ломовые лошади с мохнатыми ногами. Возчики складывали тюки на полки, покрывали брезентом, увязывали веревками, затягивали ломиками.

В складе было тесно, но рабочие ловко маневрировали тележками, сбрасывая тюки, куда им показывал кладовщик Панфилов. За маленьким столиком Юра выписывал накладные.

Вошел Красавцев, заведующий сбытом, толстяк с опухшим лицом, что-то сказал Панфилову и вышел.

— Представитель деткомиссии, гражданин Навроцкий! — крикнул Панфилов, появляясь в воротах склада.

Валентин Валентинович оглянулся.

— Меня кличут... Иду!

Он отправился в склад и тут же вернулся, весело крикнув Мише:

— Сейчас буду грузиться!

Показал грузчикам пустой вагон в тупике:

— А ну, ребята, подвинем, по чекушке на брата!

Сказал что-то машинисту и сцепщику и направился к пустому вагону, на ходу бросив Мише:

— Поможем, Миша!

Мише понравилась его веселая лихость, и он помог грузчикам подтолкнуть вагон к составу.

Лязгнули буфера, сцепщик накинул сцеп, Валентин Валентинович оттянул дверь вагона, она мягко покатила на роликах, грузчики установили трап, начали таскать тюки.

Стоя в вагоне, Валентин Валентинович уверенно распоряжался:

— Быстро, ребята, шаг назад, два вперед, тюк на тюк, товара как раз на вагон. Плохо уложим — придется переукладывать.

Он соскочил с вагона и пошел в склад.

— Накладная готова?

— Готова, — ответил Юра.

— Молодец!

Прижимая книгу линейкой, Юра оторвал и передал ему накладную.

Валентин Валентинович посмотрел на состав (сцепщик закрывал и опломбирывал вагон), кивнул Юре и Панфилову: «До новых встреч!» — и через боковую дверь вышел на улицу.

Машинист дал гудок, состав тронулся и вытянулся из ворот фабрики. Миша записал вагон Валентина Валентиновича.

Вошел инженер Николай Львович Зимин. Был он гладко выбрит, в хорошо отутюженном костюме, держался очень прямо. За глаза его звали «барин» — слово в то время уже не оскорбительное, а насмешливое. Оно было незаслуженно и заставляло Николая Львовича держаться еще прямее, говорить еще спокойнее.

— Где бракованная партия? — спросил он.

— Какая, Николай Львович?

— Для деткомиссии... Я велел Красавцеву ее задержать. Передал он вам мое распоряжение?

— Правильно, приказали... Так ведь транспорт уже погрузили, не разгружать же было, Николай Львович.

— Интересно...

Зимин удалился.

Миша хорошо помнил: Красавцев приходил на склад, что-то сказал Панфилову, и после этого вагон Валентина Валентиновича Навроцкого был молниеносно погружен и отправлен. Что же приказал Красавцев? Задержать вагон, как велел инженер Зимин, или, наоборот, побыстрее отправить его?

— Юра, ты не слыхал, что Красавцев сказал Панфилову?

— Нет.

— Он велел задержать вагон или отправить?

— Не знаю.

— Ты был рядом.

— Я не прислушиваюсь к чужим разговорам.

— Товарищ Панфилов! — сказал Миша. — А ведь Красавцев приходил до того, как был погружен вагон деткомиссии.

Панфилов скосился на него из-под железных очков:

— Ну и что?

— А вы сказали товарищу Зимину, что вагон уже был погружен.

— Ну, сказал.

— Вы сказали неправду.

По суровому лицу Панфилова, по его косому взгляду можно было предположить, что он пошлет Мишу ко всем чертям. Однако он этого не сделал: хорошо знал этих молодых товарищей, от них никому нет проходу, им до всего дело, и лучше с ними не связываться.

— Товарищу Зимину легко отдавать приказы, только он ведь не у Бутиковых работает.

— При чем тут Бутиковы? — удивился Миша.

— При том... «Задержи, посмотрю, погляжу»!.. А за простой вагонов полагается штраф, деньги порядочные, кто будет платить? Фабрика? Государство?

— Зимин хотел как хуже?

— Не сказал я этого, только не коммерческий он человек. Хочешь брак выяснить? В цеху выясняй, а не на складе, когда товар упакован, клиент ждет и вагоны поданы.

В объяснениях Панфилова была логика, но упоминание бывших хозяев фабрики Бутиковых было намеком на старорежимность Зимина, попыткой опорочить его, представить социально чуждым. Миша почувствовал фальшь.

— А все же, что приказал Красавцев: задержать или отправить вагон?

— Об этом у самого Красавцева спроси! — с раздражением ответил Панфилов. — Не Зимин, не Красавцев отвечают за отправку, я отвечаю.

А мне товар некуда складировать, сам видишь. — Он обвел рукой загроможденное тюками помещение склада. — Паны, понимаешь, дерутся, а у холопов чубы трещат. Нет, извините, спасибо!

ГЛАВА 5

Вечером Миша пошел к Славке. Бульвары Садового кольца были пустынные, редкие фонари тускло светили на углах центральных улиц.

Славкина мать ушла к другому человеку. Славка остался с отцом, бросил школу, играет по вечерам в оркестре ресторана «Эрмитаж», зарабатывает на жизнь: Константин Алексеевич болеет, не работает, опустился. Миша поражался такой слабости. Если женщина ушла от мужа, порядочного и достойного человека, бросила сына, ее можно только презирать. Конечно, любовь, страсть и так далее, и все же долг выше всего.

В ресторан Миша вошел со двора, мимо кухни, мимо снующих по узкому коридору официантов с подносами. Все бежали, торопились, никому не было дела до Миши, и он благополучно достиг маленькой комнаты, отделенной от эстрады тяжелой занавеской.

Рядом гремел оркестр. Миша чуть раздвинул занавеску и увидел ресторанный зал. За столиками, покрытыми белоснежными скатертями, сидели разодетые женщины, мужчины, очень важные, будто занятые настоящим делом. А все их дело тут — пить, есть, хохотать, как будто им очень весело. Спасаются от забот и тревог жизни нэпманы, спекулянты и растратчики, берут реванш за свое унижение в том, другом мире, где они лишены,

где их ограничивают, допекают налогами. Здесь они господа, реализуют свое богатство, швыряют деньгами, перед ними предупредительно склоняются официанты. Безусловно, нэп необходим для восстановления страны, здесь его оборотная сторона, приходится с этим мириться, но люди эти отвратительны. Во имя чего они живут?

Оркестр смолк, музыканты оставались на своих местах. Сидя за роялем, Славка разговаривал с контрабасистом, пожилым человеком в серо-голубом костюме с бабочкой.

Потом на эстраду вышли чечеточники в черных фраках, белых манишках, черных цилиндрах и черных лакированных туфлях. Оркестр грянул бравурную мелодию, чечеточники отбивали чечетку, фалды их фраков развевались, они здорово молотили штиблетами и пели куплеты...

Два червонца, три червонца или сразу пять.
За червонцы, за червонцы можно все достать...

Глупейшие куплеты о червонцах, о том, что именно можно достать за червонцы, идиотский гимн червонцу. Никто не обращает на чечеточников внимания, хотя они стараются вовсю, жаль их, и Славку жаль, и других музыкантов, обязанных развлекать эту шушеру.

Чечеточники удалились. Музыканты поднялись со своих мест, спустились в комнату за эстрадой...

— Мне еще отделение играть, — предупредил Славка.

— Подожду, — ответил Миша.

Он стоял у занавески и поглядывал в зал.

— Ну и физии!

— Эти физии дают пищу для некоторых размышлений, — сказал Слава.

- Каких именно?
- Могли мы с тобой два года назад думать, что появится все это?
- Нет.
- Новые хозяева жизни.
- Скорее и точнее: хозяева своих денег.
- Зато каких денег! Сейчас я тебе покажу некоторых представителей современного капитала. Только не слишком на них пялься и не тыкай пальцем.
- Постараюсь, — рассмеялся Миша.
- Справа, за вторым столиком, к нам лицом, видишь: коротенький пузанок с пышной шевелюрой?
- Вижу.
- Этот пузанок стоит сорок тысяч.
- Как в Америке: мистер Смит стоит сорок миллионов долларов.
- Вот именно. Пузанок зарабатывает сорок тысяч в год, а он всего лишь представитель Харьковского государственного кондитерского треста. Заметь, государственного! Разве у нас так много кондитерских изделий? Их не покупают? Нет, их покупают, расхватывают и без этого прыщика. Но этот прыщик получает десять процентов за реализацию — это как раз сорок тысяч — и делится с начальством.
- Мишу огорчил желчный тон Славки.
- Разве мы с этим не боремся?
- Допустим, — не стал спорить Славка. — Теперь следующий столик, видишь, черноусый джигит? Стоит тридцать тысяч, представитель Азиарыбы, рекламирует селедку, а чего ее рекламировать? Знаешь такой город Ачинск?
- В Сибири?

— Точно. Не на всякой карте найдешь. Есть там малюсенький магазинчик, торгует лаптями, дегтем, веревками, гвоздями, косами, серпами. Где же эта лавчонка себя рекламирует? Не угадаешь. В парижских газетах. И за рекламу плачено золотом. Вот так!

— Представляю себе ликование парижан, — засмеялся Миша. — Анекдот, наверно? — Анекдот?! Почитай «Крокодил». Смотри дальше: Иван Поддубный, так он не Иван Поддубный, а фирма «Дешевое платье». Рядом два джентльмена в галифе «Изящное платье»... А там дальше, в косоворотках и пиджаках, это так называемые кооперативы, артели, конечно, липовые, но вывески... Вывески самые идейные... «Свой труд» семгу изволит кушать, «Коллективный труд» пьет шампанское. Труд, труд, труд... Удобное слово!..

— Слушай, — перебил его Миша, взглядываясь в глубь зала, — там, в углу, не Юра с Людой Зиминой?

— Они.

— Я знаю человека, с которым они сидят, — Валентин Валентинович Навроцкий.

— Я его тоже знаю, с некоторых пор он живет в нашем доме.

— И они часто здесь бывают?

— Люду я здесь вижу впервые. Юра бывает, Навроцкий наш постоянный гость.

— И сколько он стоит?

— Не знаю, фигура загадочная.

— Он всего лишь агент-заготовитель деткомиссии.

— Это ничего не значит, у всех здесь скромные титулы: агент, уполномоченный, владелец магазина или ларька, кассиры — как правило, растрат-

чики — гуляют перед посадкой. Тут много чего на-смотришься. Изнанка общества.

— Не изнанка, а отбросы.

— Можно сказать и так, — опять не стал спорить Славка.

— Пошли! — сказал виолончелист, поднимаясь на эстраду.

— Подождешь? — спросил Славка.

— Подожду, — ответил Миша.

Заиграл оркестр.

Юра и Людa поднялись и смешались с толпой танцующих.

Навроцкий вынул из кармана пиджака конверт, положил на стол, прикрыл карточкой меню, щелкнул затвором портсигара, размял папиросу тонкими пальцами, закурил, бросил спичку в пепельницу, откинулся на спинку кресла, глубоко затанулся и даже не повернул головы, когда к столику подсел Красавцев.

Навроцкий придвинул ему портсигар, приподнял карточку меню. Красавцев достал папиросу, вынул из-под меню конверт, опустил в карман.

— Здесь вся сумма?

— Можете не пересчитывать. Когда я получу следующую партию?

На помятом, красном от водки лице Красавцева появилось обычное для взяточника выражение недоступности.

— Через неделю, не раньше, и без скидки на брак и третий сорт.

— Почему?

— Зимин собирается лично проверить брак и сорт, беспокоится, что его слишком много.

— С ним нельзя поладить?

— Из старых спецов, трусит. Хотел задержать вашу партию, но я успел ее отправить.

— Я успел ее отправить, — хладнокровно возразил Навроцкий.

Красавцев покосился на него.

— Если бы я не предупредил Панфилова...

Навроцкий перебил его:

— Если бы я не успел за полчаса погрузиться, вы бы попались на фиктивном браке и пошли под суд.

Красавцев опять покосился на него — пижона следует осадить.

— Зимин требует документы по вашей отправке.

— Пожалуйста, документы в порядке.

— Если в них особенно не ковыряться.

— Документы в полном порядке. Можете спокойно их передать. Пусть изучает. Даже у себя дома. Вот именно, пусть возьмет домой и тщательно ознакомится.

Оркестр смолк.

— Значит, договорились? — Навроцкий давал понять, что Красавцев может удалиться.

Вставая, Красавцев ухмыльнулся:

— Вы здесь с дочкой Зимина, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Можете спокойно передать документы Зимину в личное пользование.

Вернулись Юра и Люда. Люда села, оправила платье, осмотрелась.

— Ну как? — спросил Валентин Валентинович.

— Прекрасно!

Люда впервые была в ресторане. Когда она шла сюда, волновалась, смущалась, ей казалось, что она прикоснется к опасной, запретной, но

заманчивой стороне жизни. Папа и мама будут огорчены, узнав, что она была здесь, но она хотела посмотреть, хотела знать, что это такое, узнала, посмотрела и, может быть, больше не придет сюда. Ничего особенного — пьют, едят, танцуют. Пьют и едят очень вкусно, вкуснее, чем дома, и совсем иначе. Она так честно и скажет: хотела посмотреть — посмотрела; папе и маме всегда важно понять мотивы, она им объяснит мотивы: было интересно посмотреть. Правда, ей приятно, что и на нее смотрят. Дома существовала эта тема — Люда-кокетка, ее за это высмеивали, папа часто говорил: «Люда опять смотрится в самовар». В конце концов, у каждого есть и должны быть недостатки. В общем, Люда мысленно договорилась сама с собой, мысленно договорилась с родителями.

— У вас знакомые в оркестре? — спросил Валентин Валентинович.

— Мальчик из нашего дома, Славка Эльдаров. Очень талантливый.

— Не без дарования, — снисходительно согласился Юра.

— Нет, очень талантливый! — возразила Люда. — Но у них дома неприятности, родители разошлись, и он вынужден играть в ресторане.

— Это пойдет ему на пользу, — сказал Валентин Валентинович.

— Да? Почему?

— Трудно объяснить... На ум приходят банальные слова: невзгоды закаляют, характер вырабатывается в горниле испытаний и тому подобное. Но в этих стертых выражениях заложены никогда не стареющие истины.

— Итак, да здравствуют сложности! — провозгласил Юра. — А если их нет?

— Их не может не быть, — ответил Валентин Валентинович коротко, явно не желая продолжать этот разговор.

— Почему вы не танцуете? — спросила Люда.

— Не умею.

— Фокстрот — это очень просто.

— Мне поздно учиться.

— Вам? Вы себя считаете стариком?

Валентин Валентинович улыбнулся:

— Скажите лучше, как вам работается на фабрике?

— Стою с хронометром, очень стараюсь, тем более что я дочь инженера, но работницы на меня косятся: я им, по-видимому, не нравлюсь.

— Всюду рабочие не любят хронометражистов, — сказал Валентин Валентинович, — а то, что вы дочь инженера... Разве вашего отца на фабрике не уважают? Ведь он крупный специалист.

— Вот именно специалист, — подхватил Юра, — буржуазный спец, учился в Англии, служил на фабрике еще до революции, у хозяев-капиталистов и, значит, сам был чуть ли не капиталист. А Люда — дочь буржуазного спеца. У нас обожают наклеивать ярлыки: интеллигент, спец... Я, например, упадочник, у меня, видите ли, упадочные настроения. Почему, отчего — никто не знает, и что значит упадочные, тоже никто толком не знает. Представляю, что бы творилось, если бы узнали, что мы сидим в ресторане, да еще танцуем фокстрот и чарльстон. Нас бы объявили белогвардейцами.

— Вот видишь, — засмеялся Валентин Валентинович, — а ты говоришь, что у тебя нет сложностей.

ГЛАВА 6

В калитке, вырезанной в воротах, стоял Витька Буров в своей обычной ленивой позе, загораживая проход и не проявляя намерения сдвинуться с места.

Юра оказался позади Валентина Валентиновича. Впрочем, у него все всегда получалось естественно, а значит, и достойно.

— Молодой человек, — холодно произнес Валентин Валентинович, — будьте добры посторониться.

— Места вам мало? — Витька продолжал загораживать калитку широкими плечами.

— Витя, перестань! — поморщилась Люда. Она не боялась Витьки.

— Или вы посторонитесь, или я помогу вам это сделать, — сказал Валентин Валентинович.

Витька лениво подвинулся.

— Чешите, не вы мне сейчас нужны.

— Так будет, пожалуй, разумнее, — оставил за собой последнее слово Валентин Валентинович.

Во дворе, на скамейке, виднелась еще одна фигура — Шаринец.

— Мне сюда, спокойной ночи! — Юра вошел в свой подъезд, предоставив Валентину Валентиновичу возможность проводить Люду до ее дверей, а затем остаться один на один с Витькой и Шаринцом.

Прощаясь с Навроцким у своего подъезда, Люда сказала:

— Витька опять к вам привяжется.

— Переживу как-нибудь, — улыбнулся Валентин Валентинович. — Вы довольны сегодняшним вечером?

— Очень.

— Я рад, что Юра нас познакомил.

— Да, спасибо ему.

— Ваши уже, наверно, спят.

— У меня свои ключи.

Навроцкий скользнул взглядом по ключам, которые она вынула из сумочки.

— Ну что ж, спокойной ночи, привет вашей матушке.

Люда поднялась по лестнице, осторожно повернула ключ в замке, открыла, потом тихо закрыла дверь, сняла туфли, в одних чулках прошла по темному коридору, вошла в свою комнату...

Послышались шаги, и вслед за ней в комнату вошел Николай Львович.

— Ты не спишь, папочка?

— Ты тоже не спишь.

— Сказать тебе, где я была?

— Пожалуйста.

— В ресторане... Да, да, представь себе... И мне там понравилось: музыка, танцы... Но если ты не хочешь, то больше не пойду, обещаю.

— Ничего страшного в ресторанах нет... Но мне кажется, туда ходят одни спекулянты. И может быть, тебе еще несколько рановато... Впрочем, если ты захочешь ходить, никто тебя не удержит...

— Нет, папочка, я тебе сказала: если ты не хочешь этого, я больше ни разу не пойду.

— Но ведь ты пошла, захотела и пошла, и нам ничего не сказала... Конечно, потом призналась, так сказать, постфактум, и на том спасибо, не стала ничего выдумывать и придумывать, это очень хорошо... Но ведь мы не знали, где ты.

— Ты не ложился из-за меня? И мама?

— Ты спрашиваешь об этом?

— Я думала, что вы... Я понимала, что огорчу вас... Но если бы я знала, что вы не спите из-за меня...

Вошла Ольга Дмитриевна.

— Доченька, господи, как я волновалась, чего я не передумала! Ну, слава богу, ты дома! Я уже одевалась, чтобы пойти тебя искать!

В халате, розовая, румяная, Ольга Дмитриевна выглядела свежо, моложаво, казалась не матерью, а старшей сестрой Люды — такое же нежное лицо, такие же каштановые кудряшки, такие же тонкие стрелочки бровей и зеленоватые глаза.

— Ну, мама, — только вздохнула Люда, — я не понимаю, чего ты боялась?

Ольга Дмитриевна смешалась при этом вопросе. Люда поняла ее смущение и, выручая мать, сказала:

— Я ведь не маленькая, и я никого не боюсь, ни бандитов, ни жуликов.

— А я боюсь, — подхватила Ольга Дмитриевна, — боюсь нашего двора, боюсь Витьку Бурова. Он бандит.

— Мы, кстати, как раз его встретили, он вел себя, как паинька.

— Ну да, потому, что его проучили... Но не в нем дело... Где ты была?

— Мамочка, я уже сказала папе...

— Да, я информирован, — заметил Николай Львович.

— Но обещай мне, — продолжала Люда, — что не будешь сердиться и ругать меня. Обещаешь? Ну, так вот, я была в ресторане, была с Юрой и с его приятелем Валентином Валентиновичем, ты его знаешь — это тот молодой человек, который тогда во дворе вступился за Андрея и за Мишу Полякова, помнишь?

Ольга Дмитриевна бросила быстрый, тревожный взгляд на мужа, ее нежное лицо порозовело. В их семье не было ссор и скандалов, но сейчас ей показалось, что Николай Львович недоволен, разочарован, огорчен. Решив, что она должна все сделать сама, сказала суховато:

— О Юре мне нечего сказать, его мы знаем десять лет, и от этого он не становится лучше, но этот молодой человек... Валентин Валентинович... Конечно, он вел себя тогда, с Андреем, вполне достойно, но этого слишком мало, чтобы судить о нем...

— А что, собственно говоря, надо судить? — спросила Люда.

— Я хочу сказать, что мы его совершенно не знаем.

— Но пойми, мамочка, я ведь не могу знакомиться только с твоими или папиными друзьями.

— Это верно, — согласилась Ольга Дмитриевна, — но ты только познакомилась и сразу приняла приглашение пойти в ресторан. Ведь с кем попало не ходят в ресторан, правда? Это к чему-то обязывает. Пойти в ресторан с почти незнакомым человеком...

— Я пошла не с ним, а с Юрой, — сказала Люда, признавая в душе некоторую правоту матери.

— Речь, по-видимому, идет о молодом человеке, получающем мануфактуру на нашей фабрике, — сказал Николай Львович.

— Да...

— Мне он не нравится, — сказал Николай Львович. — Ты знаешь, я редко так определенно говорю о людях, о нем я говорю определенно: не нравится.

Люда посмотрела на отца, свела тонкие брови, опустила голову:

— Странно... Впрочем, если ты не хочешь, чтобы я с ним встречалась...

— Встречаться или нет — дело твое; я просто высказал свое мнение.

Она продолжала:

— Мне совершенно неважен и безразличен Валентин Валентинович... Но я не понимаю, что происходит, почему этому придается такое значение... Честное слово, нет ничего особенного... Но когда запрещают — это ужасно...

— Я не запрещаю, — запротестовал Николай Львович, — я сказал: мне он не нравится, учти это, приглядишься к нему внимательнее...

Она засмеялась:

— Но чтобы приглядеться, надо встречаться... Папочка, мамуля, милые, все это такая ерунда, ей-богу! Не беспокойтесь ни о чем... Ну, сходила в ресторан, посмотрела, потанцевала с Юрой, попробовала их еду...

— Ну и как? — спросила Ольга Дмитриевна.

— Вкусно... Очень... Но твои блинчики вкуснее, — добавила она великодушно.

Люда долго не могла заснуть, перебирала в памяти этот вечер, возвращение, сцену во дворе и приход домой. За ресторан она себя не ругала. Ей хотелось там побывать, это правда. Она пошла туда с Юрой, которого знает сто пятьдесят лет. Юру беспокоит, что будут говорить в школе, — он трус, а ей наплевать, она ничего такого антиобщественного не сделала и не делает, даже наоборот, хочет быть, как все, но у нее ничего не получается, ее считают за чужую, а почему? Одевается не так, дочь инженера. Ну, и она не набивается, не вешать же ей на груди плакат: «Хочу быть, как все!» И Юра тоже не такой уж плохой, как его

школьная репутация; никакой он не упадочник; его беда — хочет выделяться, а выделяться ему, между прочим, нечем. И если говорить честно, то Юра — трус. Это главное. Из-за этого она испытывает к нему презрение, из-за этого он ей никогда не нравился. Напрасно девчонки чего-то там намекали — это все смешно. Единственный, кто ей по-настоящему нравился, вернее, мог бы понравиться, если бы и она ему нравилась, — это Миша Поляков. Он прямая противоположность Юре, но он на нее ноль внимания, фунт презрения. И этот фунт презрения совершенно незаслуженный. Просто у Миши такой характер, он никого в отдельности не замечает, они для него масса. Но она не масса. Во всяком случае, не для него...

Теперь насчет Валентина Валентиновича. У него довольно красивое лицо, в рассуждениях что-то значительное, даже загадочно значительное. Но он носит лаковые ботинки, и это о многом говорит. И то, что у него такие деньги, он их так небрежно тратит в ресторане — тоже не в его пользу; у них в семье и у их знакомых таких денег нет, хотя люди вполне достойные. Но, может быть, это он позволяет себе не так часто, и угощал он их от души, это ему было приятно. Немного старомодно, правда, этакое гусарство: мол, прогуливаю последнее... И он смелый, по-настоящему, не притворяется, Витьку Бурова не испугался ни в этот раз, ни в тот, и это тоже очко в его пользу...

Нет, родители не правы. Конечно, понять их можно. Боятся, что случится то самое. Но напрасно боятся; то самое может случиться, но только с любимым человеком, а она никого не любит, могла бы, может быть, полюбить Мишу Полякова. Мама — потрясающая трусиха, даже очарова-

тельна, потому что никогда не притворяется. Иногда Люде кажется, что не она ее дочка, а мама ее дочка... Она всего боится, это у нее с тех времен: боялась домкома, боялась, что их уплотнят, отберут комнату, боялась за папу, боялась, что нечем будет накормить семью, а потом, когда появилась мука и все появилось, мама стала перекармливать их, особенно Андрюшу, стала жарить блинчики.

И все же с родителями ей повезло, она понимает и ценит это. Просто она стала видеть больше, чем видит мама, и саму маму видит и папу, как он, например, старается не уронить свой авторитет в семье, напускает на себя хмурый, недоступный вид, прячет свою доброту потрясающую; мама это, наверно, понимает; папа на пьедестале, власть законодательная, а мама власть исполнительная. И сегодня разыгрывала эту роль... Ах, как она их любит... И не будет огорчать, хотя и видит, что вступила с ними сегодня в неразрешимое противоречие... Подумать только, они пытаются решить, с кем ей встречаться, с кем нет, — они, такие неисправимые, доверчивые романтики...

Родители Люды тоже не спали. Это был не первый случай, когда Люда поздно приходила домой, но она всегда предупреждала, они знали, где она. В этот раз она как-то незаметно ушла из дома, ничего не сказала, не хотела лгать, но и правды не хотела говорить. Уж одно это их встревожило... И не случайно. Ресторан... Франт в лакированных штиблетах... Впрочем, как познакомились они сами? На даче, в Лианозове, тоже случайно, на любительском спектакле...

— Уверяю тебя, — говорила Ольга Дмитриевна, — она взрослая дочь, мы уже ничего не можем